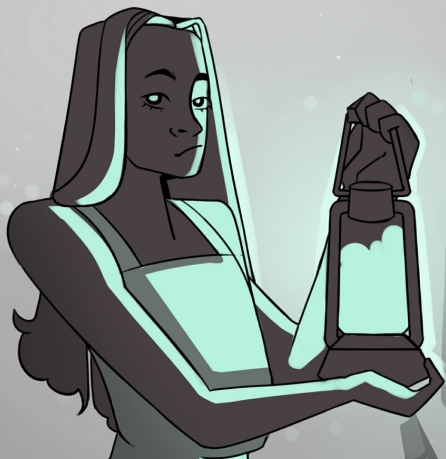


Звёздное серебро



16+

Дарья Богуш

Дарья Богуш

Звёздное серебро. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44089304

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9232-7

Аннотация

На первый взгляд кажется, что мир велик. С последующими мало что меняется, если смотреть с той же точки. Взять, к примеру, город. На самом деле город этот вовсе не один – их ровно столько, сколько людей в конкретный момент времени являются его частью. Все дороги здесь готовят нас к единственно важному происшествию – встрече в какой-нибудь точке. Если принять за точку планету Земля, координаты всех нас совпадут прямо сейчас, и отсюда мир выглядит заметно меньше. Но у точки зрения значительно больше четырех привычных нам координат. Там, где они встречаются, рождаются повседневные чудеса.

Содержание

Воин	4
Вероятности	7
Анатолий	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Воин

Где-то там, в одном городе – точно таком, как все,

Что шумят, и пестрят, и меняются каждый миг,

Воин жил, что на воина не походил совсем,

Да и зваться так много столетий назад отвык.

С каждым новым рассветом, проснувшись, чего-то ждал,

Шёл куда-то туда (куда день ото дня ходил).

Глянешь в прошлое – кто он, откуда? Пролом, провал.

А в грядущее? Что там? Туман впереди один.

Воин точно не помнил, в какой из своих дорог

(По которым когда-то драконы гуляли в ночь)

Променял он свой меч, ветром кованный... на перо.

Оставляя всё, да из головы и из сердца прочь.

Он теперь человек, как и сотни других людей.

Не опять, милый, снова повадки учить судьбы,

Только воин, в извечной привычке к тому своей,

Не оставил и в каменных крепких тисках борьбы.

Но борьбы за кого? И за что? И зачем? И с кем?

И не сам ли он – этот безжалостный злобный враг?

Может, даже и так. В ожидании перемен,

Он писал, погребая себя под горой бумаг.

Думал. Мысли текучи, изменчивы, как вода.

Как вода в океане: то шторм, то внезапный штиль.

Вот, взлетаешь на гребне: "Сдаваться? Да никогда!"

И ничто не удержит тебя, не собьёт с пути.

Вдруг корабль под ногами морским обернётся дном...

Припечатает сверху ладонью к асфальту мир.

Нам, отчаянным, в общем, и выбора не дано,

И единственный способ спасти себя – быть детьми.

Воин искренне верил, что всё-таки есть добро

В этом мире, в улыбках, в умах и сердцах людей.

В небеса рассыпал воин звёздное серебро,

И в крошечной ночи становилось чуть-чуть светлей.

Он не ведаёт, кто он, и что его дальше ждёт,

Только он – среди нас. Кто-то: я, он, она ли, ты,

Он живёт... Где-то там, в одном городе, он живёт...

Белокрылый хранитель тепла, доброты, мечты.

2017

Вероятности

* * *

Данила не мог представить, что в этой жизни существует что-то более мучительное, чем вставать под павлиньи вопли будильника. Конечно, давно существовали красивые мелодии с журчанием ручьев и пением птиц, однако сам Данила под них исключительно засыпал, а людей, способных на обратное, считал представителями какой-то особой расы нечисти. Сначала вставать под щебетание птиц, а потом что? Они, наверное, и осиновых кольев с чесноком не боятся. Страшные люди.

Однако оказалось, что хуже быть всё же может. А именно когда тебя выдёргивают из сна телефонным звонком, и твоя задача не просто проснуться, но как-то по-быстрому обрести способность говорить членораздельно.

– Да?.. нила Корицын слушает, – пробормотал он.

Из динамика послышалась воодушевлённая английская речь, изрядно преломлённая немецким акцентом. Данила знанием английского не блистал, а тем более рано утром, да ещё и с таким произношением. Нужно было выкручиваться, и поэтому он сказал первое, что пришло в голову.

– Простите, я пьян, поговорите с моим братом, – выдал он по-английски, и голос в трубке издал недоуменный возглас, предположительно означавший «что, уже?».

Данила прикрыл микрофон ладонью и, набрав побольше воздуха, крикнул:

– Макар! Ты нужен мне, брат мой!

Нотки трагизма в его голосе хватило, чтобы Макар явился.

– Что ты сделал? – с ходу спросил он.

– Э... вот, поговори с человеком.

Сплавив Макару трубку, Данила собирался продолжить спать, однако планы его были сорваны в тот самый момент, когда Макар распрощался со звонившим.

– Ты нормальный? – прелюдии Макар не любил, и говорил всё прямо и сразу. – Это был Генрих Шварц, музыкант из группы «Ловец душ»!

Данила мгновение взвешивал информацию.

– И... чего он хотел?

– Пригласить нас сыграть у них на разогреве. Это же настоящий подарок судьбы! И как тебе в голову пришло сказать ему, что ты пьян?!

– Сонный, пьяный... не велика разница, да? – меланхолично отозвался старший Корицын.

Данила всегда с осторожностью относился к подаркам. Особенно от судьбы. Истеричная леди. Данила привык, что мир ему ничего не должен.

– И по какому такому поводу наш друг решил впервые за два года так расщедриться?

Макар глянул на брата так, что во взгляде его откровенно

читалось: «Идиот – это диагноз».

– Вообще-то у тебя сегодня День рождения. Забыл?

Данила забыл. Свой День рождения он не особенно жаловал. Нет, праздники это, несомненно, здорово, но по иронии всё той же судьбы именно в этот день случилось событие, оставившее в душе Данилы неизгладимый след – он родился. От такого потрясения юноша не оправился до сих пор.

Макар всегда говорил, что именно в этом кроется причина всех проблем в жизни их обоих.

– Ну, и что ты ответил Генриху? – сморгнув задумчивость, переспросил Данила.

– Что ты сейчас же экстренно трезвеешь, может, даже взрослеешь на год, и мы идём на прогон. С Днём рождения.

Макар вздохнул и вышел из комнаты немного быстрее, чем стоило бы человеку, который всеми силами старался сохранять спокойствие.

– И тебе доброго утра, – хмыкнул Данила в закрытую дверь.

День начинался отлично.

* * *

Данила шагал чуть быстрее брата. Каким-то необъяснимым образом он всегда оказывался чуть впереди. Во всём. Особенно это касалось случаев, когда нужно было иметь дело с неприятностями. Несмотря на свой ветреный характер, Данила всё же чувствовал некоторую ответственность за Ма-

кара, хотя беспрепятственно готов был признать, что зачастую только собранность, серьёзность и ответственность, с которой Макар подходил к делам, спасала самого Данилу. Они попросту от природы не способны были существовать по отдельности. Попытаться заставить их разделиться, всё равно что атом расщеплять – увлекательно, но точно не приведёт ни к чему хорошему. Старший Корицын не раз размышлял по этому поводу, и каждый раз удивлялся тому, насколько разными могут быть люди, имеющие столь близкую кровную и эмоциональную связь. И действительно, из общего у них было разве что фамилия, брови да ещё безграничная любовь к музыке. Данила был немного выше брата, черты его лица были заметно резче. Бледные голубоватые глаза непременно обрамляла подводка. Данилу мало волновало, что далеко не всем людям был понятен его внешний вид. Он был сторонником чего-то строгого и отчасти готического. А ещё – ярким фанатом всевозможных шляп и котелков.

Белобрысый же Макар предпочитал куда более яркие цвета и образы, неизменно придерживаясь девиза "У меня зелёные глаза, я вижу мир в зелёном цвете". Сомнений в этом не возникало, ибо зеленой была подавляющая часть имущества Макара, а все остальное пестрило самыми разными цветами. В этом, казалось Даниле, они отличались от канона идеальных братьев: Макар никогда не скрывался в его тени, потому что трудно за мрачноватым человеческим силуэтом укрыть целое солнце.

На самом деле оба они были русоволосыми. Данила не так давно решил сменить этот цвет на любимый чёрный. А вот Макара вспомнить с натуральным цветом было трудновато даже самому Даниле. Десять лет назад Макар впервые осветлился. Данила сочинил бесчисленное множество вариаций на тему «Шутки про то, что Макар облысеет раньше, чем Даниле исполнится двадцать». Но шутки эти устарели ещё лет семь назад, когда ни одно из пророчеств Данилы так и не сбылось, и копна умерших от химической атаки волос все же осталась держаться на голове Макара.

Алый пылающий глаз дорожного стражника, в быту называемого оскорбительным, на взгляд Данилы, словом "светофор", преградил им путь. Корищны остановились возле трамвайных путей.

– О, твой друг едет, – хмыкнул Макар, глядя на приближающийся трамвай, – Может, хоть сегодня тебе повезёт, и он всё же собьёт нас?

Данила обернулся. И правда, тот самый Трамвай-под-номером-13. Как-то раз они действительно едва не попали под колёса такого, но случай был забавный, и потому каждый раз, когда они стояли у этих путей и глядели на проезжающий тринадцатый трамвай, Данила подумывал, что забавно было бы помереть вот так.

Но трамвай проскользнул мимо. Данила успел рассмотреть в окне их отражения, а затем проводил своего друга

ВЗГЛЯДОМ.

– Нет, сегодня снова не повезло, – подытожил он.

– Какая жалость, – усмехнулся Макар.

Нет, Данила не был пессимистом. Как и оптимистом или реалистом. Он вообще старался не давать себе абстрактных характеристик. А что может быть абстрактнее этого? Разве что примитивное "добрый" и "злой".

По мнению Данилы единственное, чего действительно стоило опасаться на этом свете – оказаться на том. Но даже в этой ситуации исход будет одинаков. С тем лишь различием, что оптимист предложит Смерти выпить для начала чашку чая, она наверняка устала с дороги, а пессимист просто обречённо пробормочет что-то в духе: "Я так и знал, что этим все кончится". Реалистов же, считал Данила, и вовсе не существует. Что есть реальность, если для каждого она своя? Поэтому он предпочитал не вешать на себя и окружающих подобные ярлыки.

Данила и Макар добрались почти без приключений. «Почти», потому что путь их лежал через парк. Это прекрасное для прогулок место всегда привлекало в столь раннее время бесчисленное количество пожилых женщин. Они собирались сюда со всей округи, сбивались в прайды и открывали охоту на неугодных. Они как раз обсуждали предстоящую свадьбу «непутёвой этой, Ленки из тридцать седьмой квартиры», когда взгляду их представилась картина поинтерес-

нее. Данила с усмешкой слушал, как хищные до разговоров дамы последовательно обсудили его макияж, длинные волосы, неспособность на нормальную работу (вывод, определён-но, был сделан из-за чехла с гитарой за спиной), и то, в какие отвратительные кислотные цвета одевается его девушка. На последней реплике Данила не удержался и рассмеялся. Девушкой его брата ещё не называли. Макар закатил глаза и насупился, а Данила хохотал до тех пор, пока голоса старушек не смолкли, а сами они скрылись из виду за пожелтевшей парковой зеленью.

* * *

Сюрпризы на этом не закончились. Корицыны прибыли в студию, где работали музыканты группы «Ловец душ», раньше самих хозяев. Перспектива стоять на улице слишком долго осенним промозглым утром не прельщала, но им повезло.

– Милейшие! Чего вы там стоите, заходите уже скорее, – окликнул их приветливый мужской голос.

– Анатолий! – обрадовался Макар. – Какими судьбами?

– Тонечка пригласила, но они задерживаются.

Они зашли в помещение. Миновав длинный, расписанный граффити коридор, они оказались в зале для репетиций. Он представлял собой комнату с зеркальной стеной, в центре её был манеж свободного пространства. Всё, что было за границей этой воображаемой орбиты, занимал хаос. Анатолий дружелюбно сообщил, что располагаться можно в любой

точке этого хаоса. Макар с трудом нашёл под завалом то, что по очертаниям напоминало диван, и они уселись туда. Тем временем Толя героически прорвался к кофеварке, чтобы сотворить им троим согревающий ароматный напиток, при этом ни на минуту не переставая говорить.

Анатолий Штиль был удивительным человеком во всех известных смыслах этого слова. Временами у Данилы даже закрадывались сомнения в том, что он вообще человек. Высокий, почти под два метра, с длинными нежно-розовыми волосами и непередаваемо тёплой улыбкой. Анатолий был из тех, кому доверяешь с ходу. На первый взгляд он мог казаться крайне легкомысленным. Трудно было сказать, что Толи на самом деле довольно влиятельный бизнесмен, с собственным питомником редкого зверья. Штиль был ярым зоозащитником и искренне умилялся созданиям вроде тарангула Анабельки и змеи Алисоньки, проживавших у него дома. Толя питал нездоровую любовь к фауне Австралии и боготворил птиц киви. И, хотя по некоторым данным он был ровесником Корицыных, Данила не мог избавиться от привычки звать его «Анатолий», а не «Толи», как тот сам просил.

– Я давно говорил, что вам нужно сыграть вместе, – подвёл итог Толи, приземляя кофе на внезапно возникший из хлама раскладной столик. – Где вы сегодня, напомните?

Макар озвучил название стадиона, в котором им предстояло выступить. Толя почему-то помрачнел.

– Что такое? – Данила привык придавать значение вне-

запной перемене настроения человека, которого редкое явление могло вывести из равновесия.

– Не знаю, – пожал плечами Анатолий. – Предчувствие у меня нехорошее. Я знаком с местными организаторами. Не самые лучшие люди. Но Тоня меня не слушает. Как обычно.

Антонина Штиль была сводной младшей сестрой Анатолия и лидером группы «Ловец душ». Бывает такой тип людей, которые с первого взгляда кажутся милыми и беззащитными, а на деле оказываются бойцами, способными любого заткнуть за пояс. Так вот, это Тоня. Девушка приспособила сорокатрёхлетнего немецкого барабанщика Генриха Шварца решать все организационные вопросы, умудряясь держать под контролем всех и каждого.

– К чёрту предчувствия, – отмахнулся Макар. – Сегодня всё должно пройти идеально.

– И то верно, любезнейший, – улыбнулся Толи, но карие глаза его поблёскивали тревогой. – Ну, как вам кофе?

– Прекрасно, – расплылся в довольной улыбке Макар. – Что может быть чудеснее этого? Осень, дождь, кофе... помогает отвлечься от проблем.

Анатолий скептически поднял бровь.

– Проблемы, проблемы... подумаешь, нашли беду.

– Тебе легко говорить.

– Согласен, легко. А знаешь, почему, дорогой мой друг? Есть такой волшебный способ избавиться от проблем, просто невероятно действенный, но люди о нём частенько забы-

вают. У меня нет проблем, потому что я на них не жалуясь, я их решаю. Только и всего.

Он улыбнулся. Настало недолгое задумчивое молчание. Толи с любопытством смотрел на то, как менялось выражение лиц Корицыных, и вдруг рассмеялся.

– Ну всё, хватит, я вижу, как постарел в ваших глазах на целую вечность. Я не сказал ничего сверхъестественного. Всего лишь простая жизненная истина.

Разговоры с Анатолием успокаивали. За ними был проведён ближайший час, и прерван лишь когда «Ловец душ» прибыли в полном составе. И, к лёгкому сожалению Данилы, не забыли про его День рождения.

* * *

Автомобиль Анатолия изнутри представлял собой целый дворец со всеми удобствами. Ещё удобнее было бы, если бы Толи не игнорировал все возможные правила дорожного движения. На переднем сидении рядом с Анатолием сидел Генрих. Мужчина всегда был довольно весёлым человеком, и утреннюю выходку Данилы даже нашёл забавной. В салоне же на молочного цвета кожаных сидениях расположились миниатюрная темноволосая Тоня, два Макара – один из них был клавишником в «Ловце», а другой приходился Даниле братом последние двадцать два года. Басист Дмитрий, духовых дел мастер Григорий и гитарист, которого Данила при первой встрече принял за гитаристку. Японец по происхож-

дению, Аой Хасэгава был столь элегантен, что первое время увидеть в нём мужчину у Данилы не получалось, но привычка сделала своё дело.

Внезапно автомобиль остановился.

– Какого черта, Толик? – возмутилась Тоня. – У нас времени не вагон, чего стоим?

– Колесо, – лаконично пояснил Толя. – Дальше так не поеду.

Тоня искренне удивилась. Машина Анатолия не имела привычки подводить.

– Ничего не могу сделать, нужно время.

– Может, такси? – предложил младший Корицын.

С такси ничего не вышло. Как и с любыми другими попытками добраться до стадиона. Когда они потерпели неудачу в третий раз, Данила подумал, что это не просто так. В жизни вообще ничего не бывает просто так. А между тем, время поджимало. Нет, они не опаздывали на концерт. До него времени было ещё порядком. Другой вопрос, что если они не доберутся туда вовремя, то о концерте вообще можно забыть. Они не смогут играть на неподготовленной площадке.

– Говорю я тебе, Тонечка, милая, не нужно вам туда.

– Толик, перестань. Прошу тебя, мы долго готовились к этому, возможно, это важнейшее выступление...

– Жизнь важнее. У меня нехорошее предчувствие, и...

– Не говори глупостей. Чини колесо.

Им пришлось дожидаться, когда Анатолий одолеет технические неполадки. Сработал он на удивление оперативно. Решил проблему, как делал и всегда. Толи сказал – Толи сделал.

* * *

Данилу мало что способно было по-настоящему удивить в этой жизни. Он давно привык, что возможно абсолютно всё. Но теперь он сидел в машине бок о бок с людьми, пребывавшими в не меньшем шоке, чем он сам, и думал о том, что Анатолий был прав. Прав, когда говорил, что жизнь даёт слишком много знаков, чтобы разумные люди способны были их не заметить, прав, когда говорил, что здесь что-то не так. Он вообще всегда был прав.

Самого Толи в салоне не было, как и Тони. Брат и сестра Штиль со свойственной им ответственностью сейчас разбирались в ситуации, отдавали распоряжения и щедро раздарили выговоры. Антонина не скупилась на витиеватые ругательства, которые слышны были временами даже из салона машины, припаркованной у стадиона. А вернее у того, во что он теперь превратился.

Данила смотрел на разрушенное, обгоревшее наполовину здание, и понимал, что, кажется, второй раз родился. Неведомо, кому помешали музыканты группы «Ловец душ», а, может, это неприятели Анатолия постарались, но в то самое время, когда группа должна была репетировать, стадион по-

дожгли, а вскоре в здании обвалился потолок. Они попросту не успели. Опоздали на свидание со смертью. Данила понимал, что ещё долго будет вспоминать о том, что в этот самый невезучий день в году он не успел умереть. Такой поворот вполне можно было счесть за чудо.

Данила чувствовал себя счастливым. В такие моменты сильнее всего осознаёшь, что счастье в жизни есть, и оно – эта самая жизнь, какой бы она ни была.

Макар держал брата за руку. Уже полчаса точно. Он, казалось, боялся, что если отпустит, что-нибудь произойдёт.

В тяжёлой тишине Аой внезапно рассмеялся.

– Мы живы, – напомнил он. – Думаю, это стоит отпраздновать хотя бы улыбкой, а?

Его слова произвели удивительный эффект, точно Аой своим голосом перерезал удушающую верёвку тишины. Стало легче дышать. Четыре человека в состоянии шока – многовато даже для просторной машины Анатолия. «Мы живы», – повторил про себя Данила, поймав себя на том, что эти слова в его голове звучат всё с тем же забавным японским акцентом, с каким говорил Аой.

Данила наклонил голову Макару на плечо и улыбнулся. Они попытались поговорить. О погоде, о Толике с Тонькой, о недавно вышедшем альбоме любимой группы Дмитрия.

Данила думал, что вряд ли теперь когда-нибудь он забудет о своём Дне рождения. Трудно забыть о том дне, когда ты едва не потерял важнейшее, что только можно придумать. Се-

годня он получил лучший подарок из всех возможных. Ему подарили брата. Ему подарили друзей. Ему подарили небо, запах кофе с ванилью в автомобиле Толика, гитару, дороги, парк с всеведущими бабушками, голубей и осень. А ещё зиму, весну, лето, десятки таких. Ему подарили шансы. Ему подарили ещё одну целую жизнь.

Анатолий

«Ты пожалеешь об этом, Штиль».

Анатолий слышал эту фразу достаточно часто, чтобы она вызывала у него не страх и даже не настороженность. Нет. Только искреннее любопытство, какую же гадость ему на этот раз соизволят сделать. Некоторые были весьма занятыми, Толи любил, когда люди подходили к делу с должным старанием и оригинальностью. Раз уж человеку настолько нечем заняться, что он тратит своё личное время на то, чтобы придумать Анатолию трудности, Штиль старался уделять такому труду хотя бы часть своего свободного времени. Жаль, что его всегда не хватало. Но самые оригинальные выходы Толи временами даже записывал. Люди же старались, справедливо будет это увековечить. А после – рассказывать другим людям лет через сто.

С течением времени искусство человеческой пакости только совершенствовалось. Анатолий с удивлением отмечал, что в своём умении делать плохо другим люди достигли невероятных высот. Наверное, даже его сородичи этому умению немало завидовали. Штиль воображал, как его бывших коллег массово сокращали, сколько остались без работы, но к этому всё и шло уже очень-очень давно. Людям свойственно учиться, и то, в чём когда-то их необходимо было направлять, теперь прочно засело в самом их существовании, а

«учителя» остались не у дел.

Дело в том, что, хоть по его виду было трудновато в это поверить, Анатолий Штиль по рождению был демоном. Самым настоящим, из Ада, с претензией на маленькие, не больше пяти сантиметров в длину, рожки цвета морского песка, чем-то очень напоминавшие двух уснувших в его волосах улиток, и собственным проходом в Ад, спрятанным, как и положено по традиции, в шкафу. Последний раз этим проходом он пользовался лет пятьсот назад. И планировал не пользоваться им в лучшем случае больше вообще никогда.

Среди людей бытовало мнение, что «где родился, там и пригодился», что есть некоторое предназначение, заложенное изначально. Что люди не способны себя изменить, что у людей нет выбора. Но Толи знал, что там, «внизу», есть целые корпорации, работающие на то, чтобы люди думали именно так. Удобно считать, что твои грехи на совести некого «предназначения», списывать собственные ошибки на «злой рок» и далее по списку. А после, конечно, как и предполагает классика жанра, трагично надрываться, рыдая о том, что нет иного пути, нет выбора. Бред. Анатолий желал бы родиться человеком, потому что только у людей и есть настоящий выбор, как поступать, что говорить, как мыслить и кого слушать.

У демонов выбора не было. Впрочем, Анатолия это не остановило. У каждого демона от рождения был некоторый дар. В случае Толи – убеждение. Потрясающее умение – за-

ставлять кого угодно делать то, что ему угодно. Сколько почестей он мог бы получить за каждую душу?

«Я знаю, что это жестоко и неправильно, но я таков, меня не изменить!»

Да что вы говорите. Штиль тоже мог задушить в себе совесть и сделать на этом неплохую карьеру. Едва ли она потребовала бы столько сил, сколько он приложил, чтобы чего-то добиться среди людей. Но Толи не считал правильным то, что было положено ему по «предназначению», и он пошёл против него. И если бы кто-то сказал ему, что это была его судьба, он бы искренне рассмеялся. Нет никакой судьбы, есть только последствия принятых или не принятых решений, совершённых или не совершённых поступков.

Шли годы, выливались в десятки и сотни, а Штиль так ни разу и не пожалел. Потому что чтобы не жалеть, достаточно просто поступать по совести и согласно собственным желаниям, стараясь не растрачивать себя на конфликты. Анатолий был из тех, кто между двумя враждующими сторонами выбирал перемирие.

Толя всегда пребывал в состоянии перманентной влюблённости во всё, что его окружало. Каким-то образом он находил красоту даже в том, в чём никто другой не разглядел бы. Страстью Штиля были животные. Больше всего он тяготел к созданиям родом из Австралии, да ещё из Ада. Впрочем, для некоторых это было практически одно и то же.

Большую часть своей жизни Анатолий проводил на ра-

боте. Вот и сейчас, сидя в своём кабинете, он откинулся в бездонном крутящемся кресле и развернулся спиной к рабочему столу. Взгляду его представился город: многоэтажный, многоликий, многоцветный. Толи считал, что здесь всего было чересчур «много». Его бы воля, он давно обосновался бы где-нибудь в отдалённом местечке, окружённом трепещущим, живым лесом, покрывающим мощное тело молчаливых гор. Но каждому, как известно, своё, и, наверно, для кого-то и этот суетливый, занятой Город был настоящим счастьем.

Анатолию нравилось смотреть, как всё движется и меняется каждое мгновение. Потому в обители его, полной света, красовалось панорамное окно во всю стену прямым напротив дверей.

В кабинете Толи было уютно. Штиль привык создавать вокруг себя атмосферу, позволяющую ему и всем тем, кто заходил к нему, почувствовать себя комфортно и спокойно. Здесь, как и в его автомобиле, всегда присутствовал бархатный запах кофе и пряностей, в солнечные дни лучи тепло струились сквозь тонированные розовым цветом окна. Уютная тёмно-коричневая мебель, мягкий зелёный ковёр поверх дубового цвета паркета. Всё это совершенно точно рисовало портрет самого Анатолия, ведь недаром говорят, что о человеке многое может рассказать его рабочий стол. Сам стол, кстати говоря, занимал не много места. Штиль считал необходимым, чтобы вокруг было достаточно пространства. На

столе аккуратной стопкой лежали документы, канцелярия, розовый горшочек с кактусом по имени Дарья и неизменная кружка с изображением птицы киви, выдавшая тысячу и один сорт чая и кофе за свою долгую жизнь. Зато внутри этого стола скрывалось бессчётное количество ящичков. Они вмещали в себя всё то, что не готов был принять забытый доверху шкаф.

Временами Толя слишком много работал. Спасали друзья, услужливо отправлявшие его домой, иногда даже против его же воли. Откровенно говоря, против человеческой воли демоны в принципе бессильны.

Не так давно Анатолий нашёл себе человека. Хотя о том, кто кого нашёл, вопрос был спорный. Человек этот природы Штиля не пугался, предпочитая судить не по происхождению, но по словам и поступкам. Анатолия это восхищало. Человек представлял собой пухленькую молодую девушку, вечно рассеянную и витающую в известных ей одной мирах, коих в её голове существовало бесчисленное множество. Временами Толи казалось, что и этот мир, и его самого тоже придумала она. Возможно, когда-нибудь на досуге он напишет статейку о людях, которые придумывают мир для того, чтобы там кто-нибудь мог жить. Временами девушка записывала истории из жизни Анатолия, ворча, правда, что он – совершенно проигрышный герой, ведь такие оптимисты как он обречены на забвение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.